

УДК 821.161.1.09

ПОЭТИКА ЛУННОГО СВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

И. А. Станичук

Тверской государственный университет
научно-образовательный центр комплексного изучения проблем романтизма

В статье рассматривается поэтика лунного света в произведениях Н. В. Гоголя для более глубокого понимания его художественного мастерства. Поэтика лунного света рассматривается в ее эволюции – от повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» к повестям «Петербургского цикла».

Ключевые слова: *ночь, лунный свет, душа, вдохновение, природа, город, гротеск*

Ночные мотивы и образы весьма значимы для творчества Н. В. Гоголя, что генетически связывает его с романтической эстетикой и поэтикой. Судя по тому, сколько внимания он уделяет нюансам ночного пейзажа, передаче определенного настроения ночи, она играет в его произведениях важную роль. Художественная интуиция писателя создает ее облик в соответствии с общей идеей произведения. При этом особый статус приобретает ночное *освещение* – оно определяет характер ночи и то, что в ней происходит. В этом Гоголь очень тесно сближается с Жуковским, у которого сюжеты подавляющего большинства «ночных» баллад, поэм, стихотворений почти всегда стоят под знаком лунного света.

Лунной, «божественной ночи» [4, т. 1, с. 114] у Гоголя всегда присуща полнота жизни, изобилие чудес и света. Авторский эпитет «божественная» – это не риторический прием, служащий для наибольшего возвышения ночных красот. Для писателя присутствие Бога в мире естественно. Дело здесь, конечно, не только в богатстве воображения, а в самой природе человеческой души [1, с. 217].

С наступлением ночи божественная основа бытия словно пробуждается, природа замирает, «предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи» [4, т. 1, с. 111] – месяца. Образ месяца в окружении звезд Гоголь наделяет максимально значимым, почти сакральным смыслом (возможно, на это повлияло библейское повествование о сотворении мира). Свет месяца и звезд «зажжен» Богом при создании небесных светил (Быт.1, 16–18), и в силу этого он – «божественный». «Света первого сестра» – так называл луну И. В. Гете [2, с. 61]. У Гоголя появление месяца на небе «исполняет весь мир торжественным светом» [4, т. 1, с. 113], несущим в себе «отблеск» своего Создателя. Этот свет изгоняет тьму, все преображает, одухотворяет, оживляет, приносит с собой доброе волшебство и умиротворение. Месяц и звезды – символы Божественного присутствия в ночи. В свою очередь здесь прослеживается связь с более общим и фундаментальным образом, от которого рождаются другие модусы гоголевских световых теофаний – это образ лестницы и сходящего по ней на землю Бога [4, т. 1, с. 110]. Поэтому Гоголь использует в описании ночной природы особые тропы, которые призваны отразить в материальном реалии, скорее духовного порядка, чем чувственного.

Лунный свет производит преображение и в душе человека. В ней «необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине» [4, т. 1, с. 114]. Душа предчувствует что-то необычайное, удивительное и, желая увидеть его в природе, раскрывается ему навстречу. Здесь Н. В. Гоголь словно вторит

словам В. А. Жуковского: «*Душа смятенная полна // Пророчеством великого виденья // И в беспредельное унесена*» [5, т. 1, с. 287]. Для Гоголя лунный свет «чудесен», он «имеет в себе тайное свойство придавать предметам часть звуков и красок другого мира» [4, т. 7, с. 233]. В описании освещенной месяцем ночной природы слог автора приобретает певучесть, подчиняясь некоему музыкальному началу, «бесплотным» звукам, которые слышит его душа. Свет месяца проявляет образ «иноного» существования действительности, позволяя созерцать причастность природы духовному началу бытия. В его свете проступает манящая, завораживающая, но не имеющая разгадки тайна – «дивные дали, сокрытые мглой» [12, с. 47], тайна, которая соперживается, а не познается. Вместе с лунным светом она «входит» в душу, отражается в ней, будит и волнует ее.

Ночь. Все затихло в преддверии преобразования. «Величественно встает месяц» [4, т. 1, с. 113]. Божественная, небесная основа бытия проявляется все ярче и ярче: «Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Вся земля в серебряном свете», [4, т. 1, с. 114], и вся природа в одно мгновение исполняется ее животворящей силой: «Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи» [4, т. 1, с. 114]. Человек переступает незримый порог, входя в единство с «духовно-телесным» миром вокруг него. Взаимопроникаясь, два «инобытия» обоюдно обогащают друг друга. Человеческий космос, вступая в тесный контакт с духовной сущностью природы, проникается ею и в то же время вносит в нее свое настроение и «мифологию» [7], создавая родственную своему духовному состоянию сказку-поэзию, или, по словам П. Б. Шелли: «Картину жизни, изображающую то, что есть в ней вечно истинного» [11, с. 329]. Душа ощущает себя «дома» в таком мире, ибо через это она осознает свою божественность и ее Источник, свою причастность Ему. «Когда жизнь человека сливается с жизнью мира, – писала Жермена де Сталь, – в ней есть что-то божественное» [9, с. 94].

Романтики не разграничивали поэзию и экстатические состояния. Они говорили о глубокой взаимосвязи лирического пафоса и мистических переживаний – переживание чуда можно адекватно передать только языком поэзии, которая выступает его внешним, вербальным выражением. «Чувство поэзии имеет много общего с чувством мистического. <...> Оно представляет непредставимое, зрит незримое, чувствует неосязаемое» [8, с. 94].

В этой связи поэтическое творчество можно рассматривать как некое откровение. Недаром романтики представляли поэта пророком, непосредственно соприкасающимся с иным миром и открывающим его тайны. «Чувство поэзии» говорит о присутствии в творческой личности силы неземной природы, суть которой подлинное благо, истина и красота. Здесь не просто духовный порыв, воодушевление, требующее своего выражения в слове, но неизмеримо большее – преобразование, иная экзистенция, факт иного ощущения мира. В нем действительное познается в момент вдохновения – это «совлечение покрывала с богини Саисской» (Новалис), в которой поэт-романтик на мгновение видит нераздельное тождество – свою душу, слившуюся с душой мира. Человек – микрокосм, гласит романтическая аксиома. В данном случае мы видим яркое ее проявление – созерцание универсума «со всеми его мирами» [8, с. 106], со всеми формами жизни.

Думается, что аналогичный опыт был и у Н. В. Гоголя. В одном из писем В. А. Жуковскому он говорит: «Труд и терпение <...> награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа <...> Становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн божьего создания» [3, с. 239].

По утверждению И. В. Карташовой, «для Гоголя, как и для многих романтиков, <...> природа тождественна, родственна авторскому сознанию, открыта ему "преlestью всех своих явлений"» [6, с. 92]. Подобную «открытость» иллюстрирует отрывок из «Майской ночи», повествующий о сне Левко. Сознание автора не видит дистанции между реальной и чудесной сторонами мира. Романтическое двоемирие упраздняется в экстатическом переживании единства бытия.

Вдохновение художника открывает в настоящем нечто иное: «странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца» [4, т. 1, с. 130]. Месяц предстает в «потустороннем обличье», в мистическом ореоле, и в его свете становится зримым незримый ранее таинственный мир, который воплощается в реальном, преображая его (ср. ночь в «Вие»). Качественная сторона действительности получает дополнительную приставку *сверх* и превосходную степень. Ночь становится еще «блистательнее», окрестность окуталась «серебряным туманом», вся земля исполнилась запахом цветущих яблонь и ночных цветов, песни соловьев «умирают в томлении и неге», заброшенный дом в «ясном величии», утопленница «чудна и прекрасна» [4, т. 1, с. 130]. Трудно сказать, что здесь первично – лунный свет открывает суть ночи Левко, или его душа способна была сделать это. В любом случае происшедшее есть следствие глубокой взаимосвязи, взаимопроникновения человеческой души и «души» ночи.

В повести «Ночь перед Рождеством» лунный свет становится условием ночной гармонии: «Ночь – чудо» [4, т. 1, с. 157]. Его исчезновение моментально меняет характер ночной природы: все погрузилось в темноту – «хоть глаз выколи» [4, т. 1, с. 157], «поднялась метель, и ветер стал резать прямо в глаза» [4, т. 1, с. 165]. В такую ночь невозможно «колядовать и славить Христа» [4, т. 1, с. 153]. С возвращением месяца на небо все вокруг «осветилось» его «чудным блеском», «снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звездами» [4, т. 1, с. 167]. Рассеивается уныние, на улицах появляются толпы колядующих, воцаряется атмосфера праздника и веселья. Все проникнуто согласием земли и неба в общем прославлении рождения Творца. Зимняя природа открывается во всей своей красе, мороз «как бы теплеет» [4, т. 1, с. 167] и способствует еще большему усилению праздничной динамики.

Подобная добрая, безоблачная гармония больше не повторится в творчестве Гоголя. Начиная со «Страшной мести», в светлые лунные ночи вторгается зло, в котором уже нет ничего комичного, напротив, оно могущественно и смертельно опасно.

Ночь, в которой «философ Хома Брут скакал с непонятным всадником на спине» [4, т. 2, с. 156], по своему волшебному колориту, сближается с изображением «Майской ночи». Хома, как и Левко, в какое-то мгновение не может отличить реальность от сна: «Видит ли он это или не видит? Наяву ли это или снится?» [4, т. 2, с. 156]. Но тесный контакт с нечистой силой изменяет состояние сознания Хома и, как следствие, меняет восприятие действительности (нечто похожее происходит с булгаковской Маргаритой от действия крема Азazelло).

Н. В. Гоголь так же, как и в «Майской ночи», наделяет свет месяца силой, которая объективирует, материализует в реальности потустороннюю, пленительно-темную «глубину» мира – она словно оказывается на поверхности. Странные, противоестественные и в то же время соблазнительные, обладающие колдовским магнетизмом образы, явились в свете месяца Хоме как видимые и осязаемые.

Интересным комментарием к этому феномену могут послужить слова Е. Трубецкого: «Двойственное, смешанное мистическое ощущение, <...> вызыва-

ет у нас лунный свет. В нем есть что-то манящее и в то же время жуткое. Он открывает перед нами какую-то чарующую действительность грез и странных, сказочных видений. Видения эти пугают и отталкивают своим неправдоподобием» [10, с. 204]. Действительно, детали ночного пейзажа в «Вие» выглядят вроде бы знакомыми Хоме, но, воспринятые сквозь призму бесовского чувства, они несут в себе нечто такое, что человеческому разуму трудно сопоставить с адекватными ему образами мира, который сотворен Богом. В реальность Хома возвращается только после чтения молитв и «заклятий» [4, т. 2, с. 156]. На небе снова засветил светлый серп месяца.

Иные коннотации несет лунный свет в Гоголевских описаниях городской ночи. Примечательно, что поэтика лунного света при этом претерпевает определенную эволюцию. Например, в статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина» (1830) в городской ночи еще присутствуют ассоциации с «божественной» ночью: «...томительный, как слияние радости и грусти, свет луны, так дивно вызывающий из глубины души серебряный сонм видений, когда ночное небо бесплотно обнимется вдохновением и земля полна непонятной любви к нему, ни те живые чувства, пробуждающиеся у нас мгновенно, когда чудный город гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца» [4, т. 7, с. 11].

Ночной облик города в сиянии месяца лишен какой-либо негативной семантики. Видимо, в этот период он еще способен вызывать у писателя «дивные» живые чувства – «серебряный сонм видений». Природная красота ночи соединяется с «чуждостью» самого города. Небо и земля не обособлены друг от друга – «снежная городская мостовая сливается с серебряным светом месяца», словно в этот час она не имеет своего окончания на земле.

В цикле «Петербургские повести» характер лунного света деформируется. Он больше не пробуждает духовное начало природы, не порождает пленительную атмосферу волшебства и тайны. Он оказывается своего рода аналогом фонаря, принося с собой «бред мечты и облекающий всё в иные образы, противоположные положительному дню» [4, т. 3, с. 75]. Тем не менее, этот свет не лишен своей «поэзии» – «Холодное синеватое сиянье месяца <...> небо, озаренное каким-то прозрачным, тонким, сомнительным светом» [4, т. 3, с. 70]. Он придает пространству облик, в котором предметность граничит с призрачностью, зыбкостью, приобретая качества образов из какого-то сюрреалистического сна. Свет месяца провоцирует состояние, близкое к галлюцинациям, одержимость мечтой становится для художника Чарткова явью, демоническое начало обретает свои телесные формы («Портрет»). Свет луны словно сообщает жизнь обитающему в портрете призраку, своей энергией давая толчок рвущемуся наружу злу: «Сияние месяца, озаривши комнату, упало и на него (на портрет – **И. С.**) и сообщило ему странную живость. <...> старик пошевелился и вдруг <...> выпрыгнул из рамы...» [4, т. 3, с. 75].

Две редакции повести «Портрет» (редакция «Арабесок» и редакция 1842 г.) демонстрируют трансформацию поэтики лунного света. В первой редакции ценностные коннотации лунного света зависят от того, кто его воспринимает. Если, «вторгаясь в одинокую спальню» поэта-романтика, лунный свет «принесит младенческие очаровательные полусны...», наводит на него музыкальные мечтания» [4, т. 3, с. 233], то по отношению к Чарткову лунный свет обнажает страш-

ную сверхъестественную суть приобретенного им портрета и возбуждает в художнике жажду золота и славы. В редакции 1842 г. Гоголь оставляет за лунным светом только гнетущее и демоническое воздействие.

Таким образом, лунный свет у Гоголя заключает в себе мощный конверсионный потенциал как в плане преобразования действительности, так и в способности влиять на человека, на его сердце и умонастроение.

Список литературы

1. Анненский И. Художественный идеализм Гоголя. // Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
2. Гете И. В. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Худож. литер., 1975. Т. 1: Стихотворения. 528 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 12: Письма 1842–1845. 719 с.
4. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Изд-во «Правда», 1984. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. 384 с. Т. 2: Миргород. 320 с. Т. 7: Статьи 1831–1847 гг. 528 с.
5. Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. литер. 1980. Т. 1: Стихотворения. 438 с. Т. 2: Баллады; Поэмы. 493 с.
6. Карташова И. В. О романтическом энтузиазме в мироощущении и художественном мышлении Н. В. Гоголя. // Мир романтизма. Т. 16 (40). Тверь: ТвГУ, 2011. 247 с.
7. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 526 с.
8. Новалис. Фрагменты. // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. 639 с.
9. Сталь Ж. Л. А. де. О Германии. // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. 639 с.
10. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 480 с.
11. Шелли П. Б. Защита Поэзии // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. 639 с.
12. Эйхендорф Й. фон. Стихотворения. Л.: Худож. литература, 1969. 224 с.

MOONLIGHT POETICS IN N. V. GOGOL'S WORKS

I. Stanichuk

Tver State University

The scientific and educational center of complex studying of problems of romanticism

In article the moonlight poetics in N. V. Gogol's works for deeper understanding of his art skill is considered. The poetics of a moonlight is considered in its evolution – from stories "Evenings on the farm about Dykanka" to stories "Petersburg cycle".

Key words: *night, moonlight, soul, inspiration, nature, city, grotesque*

Об авторе:

СТАНИЧУК Игорь Анатольевич – аспирант научно-образовательного центра комплексного изучения проблем романтизма при ТвГУ (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: stig67@mail.ru